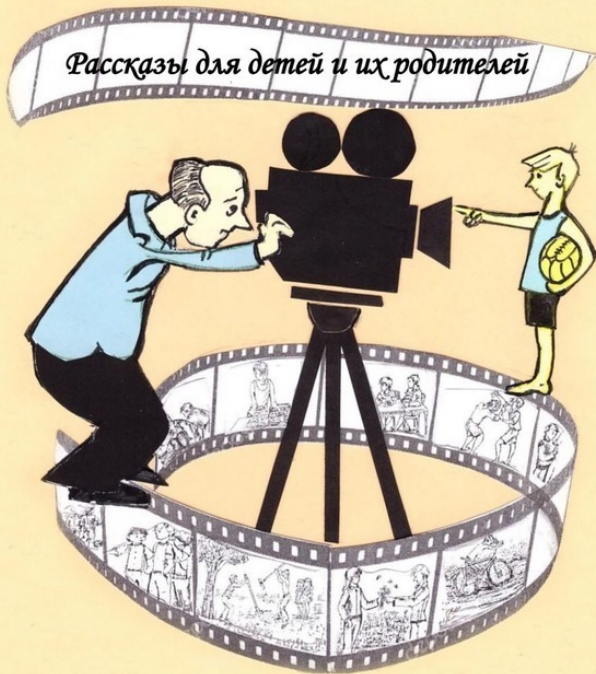

Дед тоже был пацаном

Рассказы для детей и их родителей

Юрий Гаврюшенко

Юрий Гаврюшенко
Дед тоже был пацаном.
Рассказы для детей
и их родителей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55731820

ISBN 9785449892997

Аннотация

Детство – счастливое и беззаботное время в жизни человека. Главный герой книги – мальчишка 60-х годов. В каждом рассказе он не только повествует нам о каком-либо интересном событии из своей жизни, но и пытается осмыслить собственные поступки, а также понять окружающих людей. Книга будет интересна не только детям школьного возраста, но и взрослым. Ведь им порой так хочется вернуться в то время, когда их родители были совсем молодыми.

Содержание

Предисловие	5
Прыжок в воду	7
Как украсть свой велосипед	12
Ледоход	20
Дядя Август и мотоцикл «Ява»	27
Арбуз	35
Суслики и румын Михай	42
Первая любовь	48
Греко-римская борьба	52
Торт с чесноком	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дед тоже был пацаном Рассказы для детей и их родителей

Юрий Гаврюшенко

Иллюстратор Ольга Гаврюшенко

© Юрий Гаврюшенко, 2020

© Ольга Гаврюшенко, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-9299-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В детстве мама купила мне книжку. Она называлась: «Когда папа был маленьким». Я с большим интересом читал эту книжку. Став взрослым, показал ее своим детям. Им она тоже понравилась. Прошли годы, появились внуки, а книжка эта не затерялась. Маленькая внучка спросила меня:

– А ты тоже был маленьким?

– Конечно, был! – ответил я.

– А ты не обманываешь?

Ребенку кажется, что взрослые всегда были такими, какими он их видит, и лишь по мере взросления понимает истину.

– А тогда расскажи, какой ты был маленький?

Стал вспоминать давно прошедшие годы. Так родилась идея книжки. Только теперь уже не «Когда папа был маленьким», а «Дедушка тоже был пацаном». Пришлось основательно покопаться в истории своего детства.

Так случилось, что мои родители из разных регионов. Отец из города Омска, а мать из Волгоградской области. Поэтому и моя детская жизнь связана с этими двумя областями, расстояние между которыми – 3000 км. В Омске я родился, ходил в садик и школу. А летом часто отдыхал на каникулах у другой бабушки. Сибирский климат чередовал с жарким полупустынным.

Чем отличается наше поколение мальчишек от сегодняшних? По большому счету – ничем. Может быть, только отсутствием у нас компьютеров и мобильных телефонов. Но это давало нам возможность лишнее время проводить на воздухе, играть в живые, а не в виртуальные игры. В полной мере наслаждаться свободой детства, которое, к сожалению, быстро заканчивается.

Прыжок в воду

Несколько лет я занимался футболом. Летом, понятно, – тренировки, игры. Зимой тоже тренировались: с мячом в зале или, если было не холодно, то на снегу, а еще кроссы бегали. Но иногда тренер пробивал нам бассейн. Поплавать зимой в бассейне – это здорово.

Там были две вышки – трехметровая и пятиметровая. После основных упражнений тренер нам давал возможность поплавать и попрыгать в свободном режиме.

И вот мы первый раз в жизни поднялись на трехметровую вышку. Я посмотрел вниз, и стало немного страшно. Стали прыгать столбиком, или, как еще называли, солдатиком. Все ребята по очереди попрыгали. Остались мы с Лешкой.

Я понимал, что, если сейчас не прыгну, ребята будут после посмеиваться надо мной. Набрался храбрости и сиганул столбиком вниз. Лешка же продолжал стоять на вышке, не решаясь это сделать. Страх застыл в его глазах.

– Смотри, не наделай в бассейн, – сказал Игорь.

– Да не дрейфь ты, вода мягкая, – подхватил Мишка.

Кто-то еще бросал шутки в адрес Лешки. При этом все дружно смеялись.

Нет, это не было злобным издевательством. Так, дружеские насмешки. В детской компании всегда есть лидер или лидеры. Игорь и Михаил как раз такими и являлись. Поче-

му? Были немного сильнее, ловчее, чуть лучше играли в футбол. Могли во время тренировки на кого-то прикрикнуть. Вот тебе и лидеры. А Лешка был невысокого роста, щупленький. Ну как здесь удержаться от подшучиваний над ним!

Все прыгнули, а он один остался. Пытался улыбнуться, хотя у него это плохо получалось. Он не мог преодолеть оцепенение, охватившее его. Ему пришлось спуститься вниз и плавать в бассейне.

Мы сделали еще пару прыжков с трехметровой вышки. Игорь, Михаил и еще несколько человек смогли прыгнуть вниз рыбкой, или, как мы говорили, щучкой. Остальные все прыгали столбиком. Один лишь Лешка плавал в бассейне, с завистью поглядывая на нас.

Затем все полезли на пятиметровую вышку. Когда я поднялся туда, то понял, что не прыгну. Ребята тоже долго стояли, со страхом поглядывая в бездну. Наконец Игорь прыгнул столбиком, затем Михаил. Кто-то еще решился на прыжок. Остальные спустились вниз.

Примерно через месяц мы снова оказались в бассейне. Некоторые мальчишки выразили уверенность, что смогут прыгнуть с пятиметровой вышки. Мне тоже захотелось это сделать. У меня даже появилась какая-то дрожь внутри. Смогу ли я прыгнуть? Ведь страшно. Я старался себя настроить, преодолеть страх заранее.

Когда стали подниматься, то заметили, что и Лешка тоже с нами.

– Леха, ты не на ту вышку полез, твоя вон, внизу, – под общий смех заметил Игорь.

– Да мне хотя бы посмотреть, – отшучивался Алексей.

– Ничего, пусть постоит, посмотрит, как мы прыгаем, – сказал Михаил.

В этот раз долго не тушевались. Кто-то сразу прыгнул. За ним другие. Большая часть из нас полетела вниз. Все прыгали столбиком.

Я смотрел вниз. Было страшно, но отступать было нельзя. Надо прыгать, хочешь ты или нет. Я представил, что стою перед расстрелом. И если не прыгну, то мне каюк. Это как-то придало уверенность, и я прыгнул. Запомнил, что после пяти метров далеко уходишь под воду, да и в воздухе долго летишь.

Когда вынырнул, увидел, что еще трое или четверо не решились прыгать. Среди них был и Лешка. На этот раз никто не подтрунивал над теми, кто остался наверху. Наверное, многие тоже прыгали, как и я, словно перед расстрелом.

И вдруг к краю вышки подошел Лешка. Он опасливо посмотрел вниз. Немного потоптался на месте. Затем согнулся, выпрямил руки над головой и щучкой полетел в воду. Это было невероятно. Так прыгнуть больше никто не смог. Он один сумел это сделать, словно был настоящим прыгуном в воду.

Лешка вынырнул и поплыл дальше, как будто этот прыжок для него – обыденное дело. Он утер нос нам всем, осо-

бенно Игорю и Михаилу. В отличие от них, Лешка не выпячивал себя, оставался таким же скромным, как и был. Свой прыжок он не комментировал.

Почему он не осилил меньшую высоту в прошлый раз, а сейчас смог прыгнуть с большой, да еще и рыбкой?

Помните, в известном фильме герой говорит: «Каждый человек способен на многое, но, к сожалению, не каждый знает, на что он способен».

Как украсть свой велосипед

В селе я садился на велосипед почти каждый день. Купаться на пруд – велосипед, на рыбалку – велосипед, в сельпо, что-то купить, опять же велосипед. Да и просто покататься, с ребятами или одному.

Как-то поехал в сельпо хлеба купить. Выхожу, смотрю – какой-то незнакомый пацан крутится возле моего велосипеда. Сам неопрятный, взгляд нехороший, волосы взлохмаченные.

– Прокатиться можно? – спрашивает.

Честно говоря, мне не хотелось ему давать, но я сказал:

– Ну прокатись!

Тот сел и покатил, а я смотрю ему вслед. Когда он доехал до конца улицы, я надеялся, что парень развернется и поедет назад. Но он повернул направо и, глянув в мою сторону, скрылся за поворотом. Почуввав недоброе, я бросился за ним. Добежав до поворота, успел заметить, что пацан уже скрылся на другой улице.

Стало все понятно. Он угнал мой велосипед. Было очень обидно. Иду пешком домой. Думаю: если он из села, то, наверное, можно его найти. А если не местный, то укатит куда-нибудь и все. Занес хлеб и не стал ничего говорить бабушке с дедушкой. Неудобно как-то и стыдно. Спрошу лучше у ребят. Нашел Кольку, обрисовал ситуацию. Колька по мо-

ему описанию сразу понял, кто это такой:

– Это Борис, тот еще тип! У них вся семейка вороватая. Старший брат воровал, теперь в тюрьме сидит. Отца нет, куда-то уехал. А мать очень противная, скандальная тетка, с ней в селе стараются не связываться. Ее называют Салтычихой. С ворованными вещами она не спешит расставаться. Мы с Вовкой уже били морду этому Борису. К нам бы он не сунулся. А тут видит, что пацан незнакомый.

– Так что же делать? – спросил я. – Деду сказать?

– Не надо пока деду, поедem к нему сами, – ответил Колька.

Он вытащил свой велосипед, я уселся на багажник, и мы поехали. Этот Борис жил на другом конце села, но минут через десять мы подкатили к его калитке.

– Давай так, – сказал Колька, – мне с ними говорить не о чем, я отъеду, а ты постучи и спроси про велосипед.

Я постучал, а сам смотрю в щель забора, кто выйдет. Залаяла собака, ее не было видно, но чувствовалось по лаю, что немаленькая. Через некоторое время из дома вышла хозяйка и направилась к калитке. Это была крупная женщина, с резкими чертами лица и густыми черными волосами. Открыв дверь, она внимательно посмотрела на меня:

– Чего надо?

– А Борис – ваш сын?

– Ну.

– Он взял у меня велосипед покататься и уехал.

– Ну покатается и отдаст, – сказала женщина, после чего закрыла дверь, давая понять, что разговор окончен.

Удрученный, я подошел к Кольке.

– Я так и знал! – ответил тот.

– Интересно, этот Борис дома или катается где? – строил догадки я.

– А давай спросим! Вряд ли он будет долго ездить на ворованном велосипеде.

Недалеко, через три дома, через скакалку прыгали две девочки. Одну из них Колька знал. Мы подошли.

– Эй, Наташка! Тут Борис, лохматый такой, не проезжал?

– Он недавно заехал во двор на велосипеде.

– Спасибо, малышка, – сказал Колька, потрепав ее за волосы.

– Вот сволочь этот Борис, – вырвалось у меня, – и мамаша тоже хороша, ведь видела наверняка сына на чужом велосипеде.

Колька залез на забор, внимательно всматриваясь во двор:

– Не видно, да и не будет он ставить на обзорное место. Где-нибудь там, в конце двора, за сараями, может быть. А ведь мы сможем проверить и с той стороны. Там Генка живет.

Я знал Генку, мы ездили с ним на рыбалку, а потом тащили велосипеды по грязи после дождя. Обогнули дома и въехали на соседнюю улицу. Постучали в калитку. Мать Генки сказала, что его дома нет, где-то гуляет. Без него мы не реши-

лись проходить во двор. Пришлось колесить по селу, искать этого Генку. Часа через два нашли его. Хорошо, что он тоже был на велосипеде. Приехали. Во дворе поставили транспорт и пошли к забору. Как только положили на него руки, слышалось злобное рычание. Это был Рекс. Огромная дворняга, лай которой я уже слышал сегодня. Увидев Генку, она завиляла хвостом, однако продолжала злобно поглядывать на нас с Колькой.

– Ты давай отвлекай эту псину, а мы будем смотреть, – сказал Колька.

За забором были кусты и деревья, поэтому видимость была плохая. Сколько мы ни всматривались, велосипеда нигде не было видно.

– Наверное, в сарай поставил, – предположил я.

– Надо его сегодня найти, завтра его может уже не быть, – сказал Колька. – Разберет на части или еще куда перепрячет. Придется кого-то просить из взрослых и идти к ним с обыском.

– Я его вижу! – вдруг откуда-то сверху закричал Генка. Он был на дереве.

– Тихо, не кричи!

Мы с Колькой рванули на дерево. Действительно, я увидел свой велосипед. Генка молодец, пока мы искали внизу, он догадался залезть на высокую грушу, откуда был превосходный обзор. Этот негодник Боря засунул велосипед между забором и кустами смородины, и поэтому с земли его невоз-

можно было увидеть. Зато сверху отлично. Хорошо, что велосипед у забора слева, а собака у правого забора.

Только как нам теперь украсть свой велосипед? Почему украсть? Да потому что через двор нас не пустят, зато потом перепрыгнут, не найдешь. Этот Рекс на нас все время злобно посматривает и время от времени пытается рычать. Шансов перелезть через забор, чтобы Рекс не залаял, нет. А залает, хозяйка выскочит. Да и потом Рекс вроде на привязи, а вдруг отцепится. Загрызет и фамилию не спросит. А уже начинает темнеть.

Генка и тут оказался на высоте. Он подсказал неплохой вариант. Надо перелезть к соседям слева, потом от них к соседям прямо и выйти незаметно к забору с другой стороны, где велосипед. Тогда Рекс может не заметить. Попробовать вытащить велосипед и обратно уйти таким же путем.

– Только тебе, Генка, надо все равно отвлекать собаку, а то лаять начнет, – подытожил Колька. – Принеси ей что-нибудь пожрать.

Генка рванул домой, через пару минут он был с куском хлеба.

– А будет ли она хлеб есть? – спросил я.

– А что, мне мясо из борща вытаскивать? – усмехнулся Генка.

Операция «Велосипед» началась. Мы с Колькой перемахнули через забор, пригнулись, немножко посидели. Хорошо, что уже почти стемнело и нас было не видно. Потом взяли

вторую ограду.

И вот мы сидели в кустах у забора. Можно было даже потрогать мой велосипед через зазоры между досками. В это время Генка бросал собаке хлеб, но она его не ела, а смотрела в нашу сторону и рычала.

Осталось самое сложное: подняться над оградой и вытащить велосипед. Хорошо, что заборы в селе невысокие: метра полтора, а то и меньше.

Как только мы с Колькой перегнулись через ограду, Рекс взбесился, подняв отчаянный лай. Мы поднимали велосипед и пытались перевалить его через забор, но у нас ничего не получалось, потому что ветки кустов пролезли сквозь спицы колес. Сейчас выйдет хозяйка, а мы никак не можем украсть свой велосипед.

Собака была в бешенстве. Казалось, она сейчас сорвется с цепи. Недолго думая, Колька перемахнул через забор и стал подавать мне велосипед снизу. Дело пошло. Мы перетасили его через забор. Ну как только Колька перелез назад, послышался зычный голос Салтычихи:

– Ты чего разорался!

Она подошла к Рексу и вылила ему какую-то еду. Тот при-

нялся громко чавкать, забыв про нас. Мы лежали с велосипедом за соседскими кустами, но нам было видно, как Салтычиха внимательно смотрела по сторонам. Заметив Генку, она строго спросила:

– Ты чего собаку дразнишь?

– Ничего я ее не дразню, просто залез на дерево, а она разлаялась, – ответил тот.

Затем хозяйка еще раз огляделась, особенно долго смотрела в нашу сторону. Наконец Салтычиха повернулась и пошла прочь. Перекинуть велосипед через два забора было уже не сложно. Да и Генка нам помог. Счастливые, каждый на своем велосипеде, мы ехали домой.

Прощаясь у Колькиного дома, я поблагодарил его за помощь. Ведь без нее, я бы, скорее всего, потерял велосипед. Колька лишь усмехнулся и добавил:

– А морду я этому Боре все равно набью.

Ледоход

На перемене Витька сказал:

– А вы знаете, что на Иртыше сейчас ледоход?

– Ну и что? – ответили мы.

– Как что? Это очень интересно, можно сходить на Иртыш посмотреть.

После уроков Витька, я и Олег, весело размахивая портфелями, шли смотреть ледоход. Я много раз бывал летом на Иртыше, даже как-то пару раз зимой, где видел странных мужчин, сидящих на морозе над лункой. Но что такое ледоход, толком не знал. Был апрель, ярко, по-весеннему, светило солнце, хотя с Иртыша дул холодный ветер.

Через полчаса мы стояли на берегу. Сразу скажу, что ледоход – завораживающее зрелище. Витька был прав. Я увидел огромное количество льдин, плывущих по течению. Одни из них были огромные, почти как футбольное поле, другие маленькие, на которых поместилось бы не больше одного человека. На некоторых было много снега, почти сугробы. На других ничего, голые льдины. Это был какой-то хаос на реке.

В течение нескольких секунд картина на реке менялась. Одни льдины плыли быстрее, другие медленней. Мало того, некоторые льдины с успехом наползали на другие, а на них заползали третьи.

– Это затор! – пояснил Витька.

И все время мы слышали какой-то гул и скрежет от проплывающих льдин.

– А если нам попасть на большую льдину, куда мы доплывем? – спросил Олег.

– Куда впадает Иртыш? Сначала в Обь, а потом в Северный Ледовитый океан, – заметил я, – если, конечно, льдина не растает.

– А может, и не растает, мы же на север будем плыть, – вмешался Витька.

Мы заметили, что не одни на Иртыше. Справа и слева, вдалеке, были еще группы людей, наблюдающих за ледоходом.

– Смотрите, что они делают! – закричал Олег.

Мы увидели, как некоторые мальчишки запрыгивают на льдины и обратно. Это было здорово. Но был риск оказаться в ледяной воде. Но нас уже ничто не могло остановить. Чем мы хуже? Самое главное – подобрать хорошую льдину. Чтобы она была не только большая, но и находилась ближе к берегу.

Наконец Витька с горящими глазами заскочил на льдину и тут же прыгнул на берег. Затем это удалось сделать мне и Олегу. Это было потрясающе. Впору нас было награждать медалью за отвагу. Это не то что в городе проламывать замерзшие лужи. Теперь нам уже было мало заскочить на льдину и тут же спрыгнуть. Надо было суметь немножко прока-

титься. Как можно дольше оставаться на льдине. Некоторые из них медленно ползли вдоль берега, другие, наоборот, резко уходили на середину реки.

Вскоре подплыла большая льдина. Она ударилась в берег и почти остановилась. Мы все втроем заскочили на нее. Льдина лишь слегка покачивалась у берега, и было совершенно безопасно. Мы стали прыгать на ней, в общем дурачиться. Поскольку льдина была большая, то интереснее было находиться на ней дальше от берега.

Я увидел, как другая большая льдина подходит к нашей. Стали наблюдать, что же будет. Произошел таран. Наша льдина резко содрогнулась на месте, и мы не заметили момента ее отрыва от берега. Первым увидел это Олег.

– Прыгаем! – с испугом закричал он и резко прыгнул со льдины.

Я успел заметить, что Олег одной ногой попал в воду почти по колено. Льдина резко пошла от берега. Мы с Витькой чуть замешкались и прыгнули в воду уже секунды через две после Олега. Этого было достаточно, чтобы по пояс оказаться в ледяной воде. Выбравшись на берег, я почувствовал, что все, что ниже пояса, обожгло холодной водой.

– Быстрее бежим домой сушиться! – закричали мы хором.

Похватили свои портфели и понеслись. Бежать было неудобно. Холодная вода хлюпала в обуви. Олежке было проще всего. Он набрал воды лишь в один ботинок. Мне было бежать дальше всех, так как я жил с другой стороны школы. А Витка и Олег – между школой и Иртышом.

Наконец, первым свернул к своему дому Олег. Через несколько минут, тяжело расставляя ноги, забежал в свой подъезд Витка. Я слегка позавидовал ему. Он жил в одном из тех благоустроенных домов, которые после стали назы-

вать сталинскими, а может, и тогда уже называли. Сейчас скинет всю одежду и пойдет в горячую ванну. У нас такого нет. Но это не так важно. Главное, быстрее домой. Можно и полотенцем вытереться. Пробежал мимо школы, теперь еще минут пять и можно будет погреться, укрывшись одеялом. Вот уже и наш старый двухэтажный дом дореволюционной постройки.

Я полез в портфель за ключами, но их там не было. Всегда были, а сейчас нет.

Вспомнил, что вечером, когда делал уроки, они выпали из портфеля. Я еще ими играл, крутил на пальце за кольцо, ну и забыл положить обратно. Их у меня нет именно сейчас, когда они крайне необходимы. Что делать?

У дома было три входа с разных сторон. Подошел, подергал – везде было закрыто. Взрослые на работе. Покричал Кольке в окно. Нет его. Где-то шляется. Я начинал замерзать. Погода хорошая, весенняя, но только для тех, кто сухой.

Вышел со двора и спросил у прохожего, сколько времени. Была половина четвертого. Мама приходит с работы полшестого. Значит, мне надо продержаться два часа. Это долго в моем состоянии.

Может быть, если кто-то из соседей раньше придет, я смогу хотя бы в коридоре подождать. А если не придет? Или пойти к Витке, у него погреться, не раздеваясь? Нехотя поплелся. Остановился у первого сталинского дома. Вспомнил, как зимой мы, мальчишки, забегали в подъезд погреть-

ся у батареи. У них во дворе были горки, качели, и я иногда приходил к ним поиграть. Зашел в подъезд, батареи были горячие. Решил к Витьке не идти, погреться здесь.

Я прислонился к батарее всем телом. Постепенно холод стал уходить из-под моих штанов. Я оставался таким же мокрым, но сама сырость становилась теплее. Теперь можно и подождать. Наблюдал в окно подъезда за играющими детьми. В этот яркий весенний день их было особенно много. Но мне совершенно не хотелось идти на улицу. Даже просто делать шаг было очень неприятно. Стоять у батареи еще ничего, терпимо.

Спускалась по лестнице старушка, спросила:

– Ты чего сынок греешься, замерз, однако?

– Да, замерз.

– Весенняя погода обманчива, можно и заболеть, – продолжала бубнить старушка, спускаясь дальше. Через некоторое время я спросил о том, который час, у мужчины, зашедшего в подъезд.

– Без пяти пять, – ответил он.

Еще немного постою и пойду на остановку маму встречать, решил я. Обрадовался, когда она выскочила из знакомого мне маршрута автобуса. Я не стал ее волновать и сказал только, что забыл ключи дома. А когда играл на улице, поскользнулся и упал в лужу. Вечером, просушившись, я пил горячий чай с малиной.

Утром никакой простуды у меня не было и я пошел в шко-

лу. Перед уроком Витька рассказывал одноклассникам, как мы вчера ходили на ледоход, как катались на льдинах. С его слов выходило, что нас унесло чуть ли не на середину Иртыша. И потом мы героически плыли на берег в ледяной воде.

Тут же стала собираться команда из желающих пойти на ледоход после уроков. Когда меня, как одного из участников, спросили, пойду ли на ледоход, я ответил, что второй раз подряд как-то неохота.

Дядя Август и мотоцикл «Ява»

В нашем доме в четвертом подъезде жил Сашка. И вот он заявляет нам, мальчишкам, что его родители выиграли в лотерею мотоцикл «Ява». В те годы этот мотоцикл был круче, чем сегодняшний автомобиль «Мерседес». Конечно, мы сильно завидовали Сашке. Моим родителям тоже повезло выиграть ценный приз. Это был пылесос «Буран». Верой и правдой много лет он служил нашей семье, очищая квартиру. Но все-таки пылесос – это не мотоцикл, а тем более «Ява».

Примерно через месяц к четвертому подъезду подкатил грузовик. Кто-то крикнул, что привезли мотоцикл. Мы, мальчишки, бросили свои игры и подошли к машине. Двое рабочих открыли задний борт и опустили широкую доску для спуска мотоцикла. Руководил процессом дядя Август, Сашкин отец. Почему его звали Август, я не знаю. Об этом надо спрашивать его родителей. Это был высокий, тучный мужчина со своеобразной манерой разговора. Дядя Август был очень взволнован. Видно было, что его переполняло чувство гордости. Когда рабочие начали спуск мотоцикла, он суетился вокруг них и все время повторял:

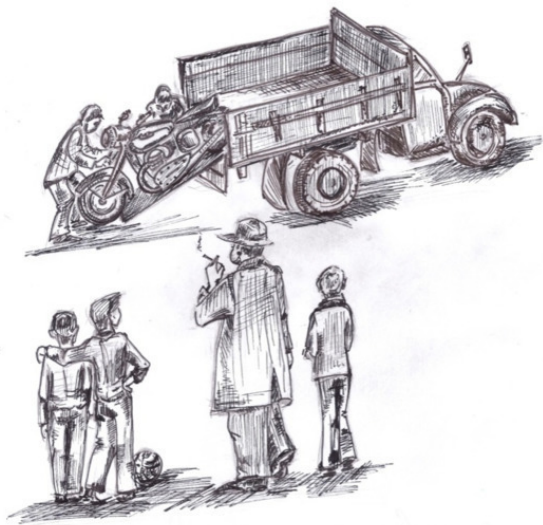
– Осторожней ребята, сами понимаете.

Один из рабочих был явно навеселе:

– Да не волнуйтесь вы, товарищ, все будет путем, первый

раз, что ли?

– Да я не волнуюсь, сами понимаете, – отвечал дядя Август.

Наконец сверкающая от новизны «Ява» стояла у подъезда. Это было блестящее, вишневое чудо. Было желание потрогать, погладить мотоцикл. Дядя Август сунул в руку грузчику «благодарность» в виде зеленой трешки и после этого с двумя своими товарищами или родственниками покати

мотоцикл в подъезд. Тащить, слава богу, было недалеко, жили они на первом этаже. Хорошо, что не на пятом. У нашего соседа с третьего этажа был мопед. Он таскал его туда-сюда почти каждый день, ездил на работу. У них в квартире всегда пахло бензином. Мотоцикл на третий этаж не потаскаешь.

Вечером у дяди Августа собралась большая компания обмывать «Яву». Играла гармошка. Даже на улице было слышно, как отплясывали гости. Прямо как на хорошей свадьбе. Мать Сашки, тетя Валя, очень хорошо пела. На весь двор она выводила:

– Огней так много золотых на улицах Саратова...

Мужчины, махнув по маленькой, выходили покурить во двор. Разговоры были, конечно, о мотоцикле.

– Август, а может, тебе продать его? Все равно прав нет, – говорил один из них.

– Что деньги – вода, – важно отвечал дядя Август, – а мотоцикл, сами понимаете... А на права я выучусь.

– Тебе, Август, лучше подошел бы «Урал» с коляской. Тяжелый мотоцикл, солидный, как раз под тебя, – заметил другой гость.

– «Ява» тоже солидно, да еще и престижно, а коляску можно приобрести, сами понимаете, – парировал дядя Август.

Я бывал ранее у Сашки в квартире. Но тогда еще не было мотоцикла. Сейчас уже был особенный интерес. После уроков мы с одноклассником Женькой напросились к Сашке до-

мой. Уж очень хотелось вблизи полюбоваться на чехословацкий мотоцикл. Сашка нехотя впустил нас, понимая цель визита. Наверное, папа сказал ему не приглашать без надобности посторонних.

Если у нашего соседа мопед стоял в коридоре, то мотоцикл «Ява» находился посередине Сашкиной комнаты. Накрыт он был дорогим покрывалом. Я спросил Сашку, почему не поставили к окну, где есть место. Сашка ответил, что там батарея, мотоциклу будет вредно, потом убрал покрывало и сказал:

– Смотрите, только не долго, и не надо ничего нажимать и крутить.

Мы с Женькой внимательно смотрели на мотоцикл. «Ява» была хороша. Сочетание вишневого и серебристого цвета было прекрасным. В блестящих «щеках» бензобака можно было увидеть, как в зеркале, свое отражение. Мотор был великолепен. Все было гладенькое, без углов. Слова «дизайн» мы тогда не знали, но понимали, что это верх технического совершенства. Отечественные мотоциклы «Минск» и «Восход», несомненно, уступали «Яве». Именно эту модель в дальнейшем прозвали «старушкой». Долго служила она своим хозяевам и редко подводила. Наконец Сашка накрыл мотоцикл, и мы с Женькой ушли домой.

Недели через две Сашка сообщил, что папа купил шлем, и предложил посмотреть. Это был красный, красивый шлем, как раз под цвет «Явы». Мы по очереди надевали его на голо-

ву, смотрели на себя в зеркало и видели там маленьких космонавтов. Сашка стащил с мотоцикла покрывало и уселся со шлемом на голове на «Яву». Он представил себя гонщиком, нажимая на газ. Набрав воображаемую скорость, стал раскачиваться вправо и влево. Кончилось это тем, что мотоцикл завалился на письменный стол. С трудом нам удалось установить «Яву» на место. Сашка потирал ушибленную ногу. Ну что там нога, главное – мотоцикл. Царапины на столе были не в счет. При тщательном обследовании мотоцикла также была обнаружена пара царапин и даже одна небольшая вмятина. Сашка был подавлен, казалось он сейчас разревется. Дядя Август достаточно строго воспитывал сына, и за «Яву» ему крупно влетело бы.

– Не переживай! – сказал Женька. – Дядя Август вряд ли их обнаружит, а если обнаружит, ты здесь ни при чем, где-то при погрузке повредили.

– А действительно, я здесь при чем? – повеселев, ответил Сашка. – Я же на него не садился.

– Конечно, не садился, – заметил я, – если что, можем подтвердить.

Уходя, я спросил:

– Когда дядя Август начнет ездить?

– Папа сказал, что учиться на права будет весной, значит, ездить будет летом, – ответил Сашка.

«Не скоро, – подумал я, – учитывая, что зима еще не началась». После этого мы потеряли интерес к мотоциклу, а точ-

нее, забыли про него. Лишь весной, когда растаял снег, я спросил Сашку:

– Как, папа учится на мотоцикл?

– Пока нет, но записался на курсы, в ДОСААФ.

Школа ДОСААФ была не очень далеко от нашего дома. Мы иногда приходили туда посмотреть на мужчин, осваивающих мотоцикл. Автомобилей тогда было совсем мало, а мотоциклов больше. Обучались и молодые ребята, и среднего возраста мужчины, и пожилые. В общем, все, кому удалось приобрести мотоцикл. Мы даже знали время, когда они занимаются.

Вскоре Женька предложил мне сходить в ДОСААФ. Его старший брат поступил туда на курсы. Там была хорошая лавочка, можно было спокойно сидеть и смотреть. Женькин брат, Андрей, уже умел ездить на мотоцикле, но прав у него не было, да и мотоцикла пока еще тоже. Женька долго искал брата среди мотоциклистов на «Восходах», но так и не нашел.

– Ездить умеет, вот и пропускает, – сказал Женька, а потом громко добавил: – Смотри, вон отец Сашки!

Действительно, как мы его сразу не заметили? Своей крупной фигурой дядя Август явно выделялся на фоне других обучающихся. Когда он садился на мотоцикл, то тот превращался в детский велосипед. Мы вернулись на лавочку, хотелось посмотреть, как он осваивает мотоцикл. Получалось у него плохо. Если остальные курсанты в основном ез-

дили, а иногда останавливались и заводили мотоциклы, то дядя Август только и делал, что заводил. Проедет чуть-чуть и заглохнет. Затем протащит мотоцикл вперед на несколько метров и опять заводит.

– С такой ездой он в ГАИ не сдаст, – заметил Женька.

– Ну он же только учится, все впереди, может и сдаст, – ответил я.

Мы договорились не обсуждать эту тему с Сашкой. Он сам через некоторое время сказал, что отец уже научился ездить, только у него не получается восьмерка. Его мотоцикл никак не может удержаться в заданной фигуре и выезжает за ее пределы. А ведь на экзамене необходимо сдавать это упражнение.

Прошло лето, но мотоцикл «Ява» так и не появился на улице. Больше Сашка ничего не говорил, а мы и не спрашивали. Что, нам больше делать нечего, как следить за чужим мотоциклом?

Уже была осень. Я делал уроки и вышел на балкон отдохнуть. Посмотрел по сторонам и увидел, что возле четвертого подъезда стоит мотоцикл «Ява». Возле него, в болоньевом плаще и шляпе, засунув руки в карманы, важно стоял дядя Август. «Неужели выезжает?» – подумал я. Решил выйти на улицу посмотреть. Дядя Август почему-то поглядывал на часы. Вскоре к нему подошел молодой мужчина, поздоровался, вытащил из рюкзака канистру бензина и начал заливать горючее в бак мотоцикла. Затем повозился несколько

минут с мотором и стал заводить.

Я понял, что это, скорее всего, покупатель, которому дядя Август продал мотоцикл.

Мотоцикл быстро завелся. До сих пор помню приятный на слух шум мотора «Явы», совсем непохожий на звук двигателей других мотоциклов. Дядя Август как-то безразлично смотрел на все это, совсем не так, как тогда, когда выгружали мотоцикл. А ведь прошел уже ровно год. Сашка, скорее всего, был дома и не выходил на улицу. Я его понимаю. Я бы, наверное, тоже остался в своей комнате. Из подъезда вышел сосед и укоризненно сказал:

– Ты что, Август, не мог мне сказать, что продаешь?

– Что же, я должен по всему дому трезвонить? Сами понимаете... – как-то раздраженно ответил ему дядя Август.

Молодой мужчина сел на мотоцикл, надел на голову шлем, тот самый, с которым мы играли год назад. Еще раз пожал руку дяде Августу и поехал. Мы все долго смотрели ему вслед. Я почему-то подумал: «Смогу ли узнать именно этот мотоцикл, если встречу его в городе?» О чем думал дядя Август, мне неизвестно. Лишь по его глазам можно было предположить, что кто-то не оправдал его надежд. То ли мотоцикл, то ли он сам...

Когда покупатель скрылся за поворотом, Сашкин отец быстро зашел в подъезд.

Банкета по случаю продажи мотоцикла дядя Август не устраивал.

Арбуз

Как-то мы с ребятами со двора поспорили, что вкуснее всего на свете. Нам, сибирским пацанам, казалось, и не без основания, что это должны быть фрукты. Они были почти все привозные и перепадали нам от случая к случаю. Называли бананы, виноград, черешню, мандарины, дыню. Но большинством голосов победил зеленый полосатик – арбуз. Сочный, сладкий, сахаристый – что может быть вкуснее?

Зато в Волгоградской области, где я гостил у бабушки летом, арбузов было много. В начале августа их привозили с полей, и у многих во дворах лежали арбузы. Набегавшись под жарким солнцем, было очень приятно сесть в тень и, как говорили, «зарезать» арбуз. Не зря кто-то из мудрецов сказал: «Хочешь пить – ешь арбуз, хочешь есть – ешь арбуз, сильно хочешь есть – ешь арбуз с хлебом».

В один из жарких августовских дней я, Колька и Вовка схватили арбуз и пошли в сад. Усевшись на старую кровать, которая служила местом отдыха, решили попить и заодно поесть.

- Надо было еще один арбузик прихватить, – сказал я.
- Вполне одного хватит, – решительно ответил Колька.
- Нет, не хватит, – продолжал я, – на двоих, может, и хватит, но на троих точно нет.
- Это кажется, что много надо, – влез в разговор Вовка, –

а сам сейчас съешь три-четыре скибки арбуза и наешься.

– Какие три-четыре? – недоумевал я.

– А ты, что думаешь, что весь арбуз сможешь съесть? – начал заводиться Колька.

– А почему нет? – не отступал я.

– Спорим, что не съешь!

– Спорим, что съем! – ответил я, совершенно не понимая, смогу ли я съесть арбуз на самом деле.

– Так... На что нам поспорить? – прищурился Колька.

– Давай на просто так.

– Нет, так не пойдет – он будет арбуз трескать в свое удовольствие, а мы на него смотреть просто так.

Я уже был и не рад, что ввязался в этот спор. Ели бы себе спокойно арбуз и болтали о всякой ерунде. А теперь отступить было нельзя.

– Так, придумал! – прервал мои мысли Колька. – Мы же собирались ехать на совхозный пруд купаться. Кто проиграет, тот везет другого на багажнике велосипеда туда и обратно.

Совхозный пруд находился от нас в трех километрах. Значит, туда и обратно шесть. Я почему-то мысленно представил, как везу Кольку на велосипеде на пруд, а не наоборот.

– Ладно, – нехотя согласился я, а то придумает еще что-нибудь похуже.

Вовка сбегал за вторым арбузом, который они будут есть с Колькой.

– Выбери любой! – проявил великодушие Колька.

Я внимательно посмотрел на арбузы. Они были примерно одинаковые. Остановился на первом. Эти арбузы были среднего размера. Если бы арбуз был большой, то я его бы, точно, не съел. И наоборот, маленький арбуз съел бы наверняка. А вот со средним размером было непонятно.

– Ну что, начинаем! – торжественно произнес Колька и вонзил нож в арбуз.

Первая треть арбуза далась мне легко. Я хотел пить и просто получал удовольствие от сочной красной мякоти. Что интересно, Колька с Вовкой за это время тоже съели треть арбуза. Но ведь их двое. «Слабаки», – подумал я, глядя на них. Они ели спокойно, не торопясь, разговаривая, и лишь иногда посматривали на меня. Я же был заряжен на соревновательный процесс. Еще минут через десять от арбуза осталась половина. Невольно я заметил, что, в общем, уже наелся. Если бы не спор, можно было и остановиться. Конечно, я могу еще есть, но сколько? Скорость поедания арбуза у меня явно упала. А куда торопиться?

– Нет, так дело не пойдет, – словно угадав мои мысли, сказал Колька, – он будет до вечера есть, а мы жди. Так и на пруд не успеем.

– А мы время не обговаривали, – спокойно ответил я, медленно пережевывая арбуз. – Так что мне торопиться некуда.

– Хорошо, – согласился Колька. – Но тогда без всяких остановок. Если будет остановка, засчитаем поражение.

– А как насчет туалета тогда? – улыбнулся я. – Без остановки невозможно.

– Очень даже возможно, – продолжал Колька, – встанешь вон за дерево, делай свое дело и ешь арбуз одновременно.

Вовка залился смехом. Колька же только немного улыбнулся. Видя мою прыть в поедании арбуза, он отдаленно почувствовал угрозу поражения. Но угрозу поражения чувствовал и я. Еще почти треть арбуза, а я уже не только не хочу, но и не могу его есть. Мой живот надулся, округлился и отказывался принимать пищу за отсутствием свободного места. Хотя глазами еще можно было есть.

Колька с Вовкой на двоих съели пол-арбуза и больше не стали. Конечно, их можно понять. Эти ребята здесь выросли на арбузах, поэтому они для них не являются чем-то необычным. Ну вроде как яблоки, груши. Поел немного – и хватит. Поэтому Колька и поспорил со мной. Он не знает, что такое арбуз для сибирского пацана.

Доесть оставалось совсем немного, когда я понял, что в моем пищеводе тоже нет места. Я через силу жевал арбуз, но не мог его проглотить. Казалось, он сейчас ползет из носа и ушей. Если бы посидеть хотя бы минут десять, а потом

продолжить. Но тогда я проиграю. В таком состоянии самому трудно крутить велосипед, не говоря уже о том, чтобы везти Кольку. Наконец, я захотел в туалет.

«Это хорошо, – подумал я. – Хоть что-то во мне немного освободится».

С очередным куском арбуза я с трудом отошел от кровати. Облегчился, но не ощутил свободного места. Зато почувствовал, что арбуз пошел из носа. Лишь бы из ушей не пошел, а то еще помрешь ненароком. Предпоследний и последний кусок арбуза я ел «на волевых усилиях», как спортсмены на финише, когда никаких сил не остается.

– Мы пошли за велосипедами, а ты выходи на улицу, – сказал Колька, обращаясь ко мне. Видно было, что он переживает поражение. Они пошли, а я продолжал стоять в саду, опершись о спинку кровати.

«Какой пруд, – подумал я, – мне передвигаться тяжело». И потихоньку заковылял. Впереди меня шел мой живот, а я следом. На улице меня уже ждали Колька с Вовкой.

– Садись на багажник! – сказал Колька.

– А может, не поедем на этот пруд? – робко спросил я.

– Садись-садись, выиграл – значит, садись, – решительно приказал Колька.

Видно, что ему было не до шуток. Наверное, не привык проигрывать.

Я с трудом залез на багажник. Кольке также было непросто везти меня, да еще с арбузом внутри. Вовке было проще

ехать одному. Когда велосипед стал трястись по кочкам, мне стало просто невмоготу. Я ощутил болезненные симптомы в животе. Арбуз пытался выскочить из меня. С таким живото необходимо было состояние покоя, а не езда на велосипеде. Проехав метров сто, я решительно потребовал остановиться.

– Я отказываюсь от своего выигрыша, – сказал я ребятам. – Мне тяжело ехать. Езжайте сами, а я потихоньку пойду домой.

– Ну раз отказываешься, тогда другое дело, – сказал Колька и, обращаясь к Вовке, спросил: – Что, на пруд едем или как?

– Давай завтра поедем, что-то сегодня тяжело.

– Завтра так завтра, – и, уже обращаясь ко мне, добавил: – До дома довести хоть?

– Нет, не надо, я сам, – уверенно ответил я.

Они покатили, а я не спеша, точнее сказать, очень медленно, поплелся следом. У меня не было никакого желания, да и возможности что-либо делать. Можно было только потихоньку идти. Впрочем, одно желание уже появилось – быстрее добраться до туалета.

Суслики и румын Михай

Сидим как-то на скамеечке у дома, болтаем.

– Хочешь суслика попробовать? – неожиданно спросил

Колька, глядя мне в глаза.

– А зачем его пробовать? – ответил я.

– Как зачем? Ты же курицу ешь или, например, свинину, а это суслик.

– Что-то я не видел, чтобы суслика в магазине продавали.

– Да в магазине много чего не продают.

– Ну давай попробуем, где он у тебя, в холодильнике?

– Сам ты холодильник, бери велик, поехали, и еще ведро прихвати.

Через пять минут Колька, Вовка и я с ведром катили по селу. Остановились у последней колонки.

– Давай ведро! – сказал Колька.

Набрав почти полное ведро, Колька с трудом удерживал его на велосипеде, когда мы двинулись дальше. Ехали совсем немного. Закончилось село, началась степь. Мы остановились.

– Вот здесь живут суслики, – усмехаясь, сказал он.

– Да что ты говоришь, а я думал – динозавры, – уже решил пошутить я.

Мне много раз приходилось видеть сусликов в окрестностях села. Особенно когда едешь на рыбалку. Как только сус-

лик заметит опасность, сразу в норку – и был таков.

– Ладно, смотри, как добывать суслика, – уже серьезно ответил Колька. Он стал потихоньку лить воду в первую попавшуюся лунку. Вылив примерно полведра, встал на четвереньки и расположил большой и указательный пальцы вокруг лунки. Прождав пару минут, попросил Вовку подлить воды. Еще через минуту из лунки показалась голова суслика. Колька ловко схватил двумя пальцами его за шею, чтобы он не укусил. Потом поднялся с земли, держа подергивающегося суслика.

– Ну а дальше что с ним делать? – спросил я.

– А дальше надо делать вот так! – сказал Колька.

При этом он, крепко удерживая суслика за шею, сделал резкое движение сверху вниз. После этого бросил его на землю. Суслик не шевелился.

– Как-то жестоко, – поморщился я.

– А когда дед Роман утром отрубает у курицы голову, – ответил Колька, – а баба Ксения варит потом супчик для тебя, ты не возмущаешься?

Мне нечего было возразить. Вовка тем временем привез еще ведро воды. Следующего суслика «выливал» я. Вылил почти все ведро и уселся как Колька. Немного было страшно, а вдруг укусит. Угадав мое беспокойство, Колька заметил:

– Как появится голова над землей, смело хватай его, не бойся, он после наводнения ничего не соображает.

Тут же появился суслик, я схватил его. Суслик трепыхал-

ся у меня в руках, надеясь выскочить. Я дернул его так, как делал Колька, но суслик был живым. Я дернул еще пару раз, но ничего не менялось.

— Ладно, давай сюда, — сказал Колька, — мучить животное как раз и не надо. Это как на охоте, надо стараться убить зверя с одного выстрела, а не гоняться потом за раненым.

При этом он ловко уложил второго суслика рядом с первым. Затем поймали еще одного и поехали назад. Заехали к Кольке во двор, поставили велосипеды и пошли в сад. У него в саду так же, как и у нас, стояла старая кровать под деревом, на которую мы и уселись.

Немного отдохнув, развели костер в безопасном месте.

Из веток сделали две рогульки. Воткнули их по разные стороны от костра. Колька на удивление быстро снял шкурки. Затем нанизали на ветку, как на шампур, тушки сусликов и, положив на рогульки, стали жарить. Костер шипел от стекающего сусликового жира.

Вкус у суслика оказался специфический, наверное не каждый сможет его есть. Вместо мяса какое-то желе. Я тогда подумал, что больше не буду есть сусликов. Хватит одного раза. Потом в течение нескольких дней запах сусликового жира будет тебя преследовать, как бы хорошо ты ни умывался.

– Мой отец, – начал разговор Вовка, – во время войны тоже сусликов выливал. Было ему лет десять. Время было голодное, вот и ходили в степь. Сусликов тогда было много. Даже какой-то румын с ними ходил за сусликами.

– Румыны были за немцев, – перебил я его. – Он, что, с врагом ходил, что ли?

– Не знаю, – неуверенно произнес Вовка, – папа не говорил, что он был врагом.

Вечером я попросил бабушку рассказать о немцах и румынах.

– В сентябре сорок второго, – начала она, – немцы вошли в село. Были здесь несколько дней. За это время побили всю скотину, какая была. Вели себя дерзко. Не скажу, чтобы нас сильно притесняли, скорее просто не замечали. Чувствовалось огромное напряжение перед предстоящими решающими боями. Затем ушли на Сталинград. После них пришли

румыны. Так сказать, вторым эшелонem. С ними было спокойней. У нас в доме жили три румына. Старшего из них звали Михай. Это был неплохой мужик. Он говорил, что они не хотели воевать. Но их насильно мобилизовали и отправили на фронт. У него дома тоже остались маленькие дети. Показывал фотографии жены и детей. Хорошо относился к моим детям, то есть к вашим будущим родителям. Давал им конфетки.

– А он ходил с дядей Толей сусликов добывать? – спросил я ее.

– Может, и ходил, я уже и не помню. Приносили мальчишки сусликов, но я их есть не могла, брезговала. Лучше очистки с картофеля.

Уже позже я узнал, что 3-я румынская армия, действовавшая в районе Сталинграда, была почти полностью уничтожена наступлением наших войск. Так что шансы у дяди Михая вернуться живым к своим детям были очень малы.

Вечером в моей голове был какой-то винегрет. Суслики, война, румын Михай, который должен быть плохим, потому что воевал против нас, а оказался хорошим. Давал моей маме конфеты. Мне почему-то стало жалко его детей, оставшихся в далекой Румынии. Вряд ли они дождались своего отца. Поэтому мне и приснился в ту ночь странный сон, который я запомнил.

Я иду по степи, залитой солнцем. Со мной еще какие-то мальчишки. С нами идет высокий красивый молодой муж-

чина. На нем шинель нараспашку, на голове пилотка. Он все время улыбается и показывает пальцем на убегающих сусликов. Я говорю ему:

– А я знаю, как вас зовут!

– Ну и как же? – весело отвечает он.

– Михай!

– Правильно! А откуда ты знаешь?

Первая любовь

До школы я не знал, что такое любовь. С девочками просто дружил. А вот в первом классе влюбился в одну. Звали ее Ира. Влюбился по-настоящему: часто о ней думал, с замиранием сердца слушал ее ответы у доски, а разговаривать с ней было пределом детского счастья. В общем, это было божество, спустившееся на землю. Но разве я мог ей об этом сказать – нет, конечно. Представляете, первоклассник говорит первокласснице: «Ира, я тебя люблю».

Видимо, у маленьких детей чувства уже есть, а слов нет. Иногда и взрослые не могут объясниться, а тут дети. Хотя некоторые мальчики с первого класса носят портфели девочек, которые им нравятся. Но это не мой случай. Сейчас, смотря на фото первого класса, думаю: почему я влюбился именно в Иру? Ведь другие девчонки не хуже. Наверное, это идет откуда-то сверху и нам не подвластно.

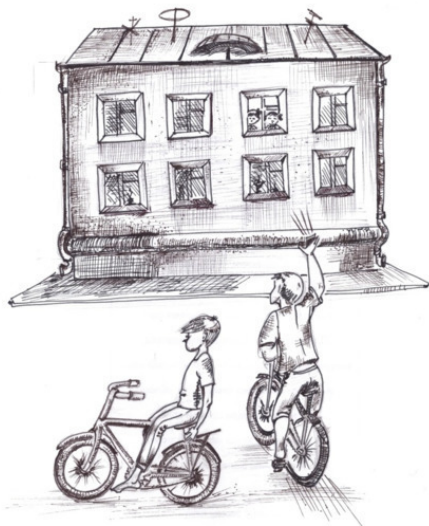
В нашем доме жил мальчик – Колька Бурцев. Он был на два года старше меня, но мы дружили. И вот, когда с ним разговорились про любовь, оказалось, что он тоже любит одну девочку и у нее такая же фамилия, как и у Иры. Выяснилось, что это ее старшая сестра, которая училась с ним в третьем классе. Вот такое совпадение. У нас была с Колькой общая любовная тайна, о которой никто не знал.

Мы садились с ним на наши детские велосипеды и гнали

к дому, где жили девчонки, — к большому зданию сталинской постройки. На асфальте вокруг него нам с Колькой было где развернуться.

Почему-то всегда стояла солнечная погода, и мы брали с собой маленькие зеркала, с помощью которых пускали зайчики в комнату сестер. Их русые головки с косичками периодически показывались в окне. Это нас с Колькой подстегивало, и мы старались показать свои способности в катании на велосипеде.

Катались, как мы говорили, «без рук». Затем, набирая большую скорость, резко тормозили, стараясь развернуться на одном месте. Пытались проехать на одном колесе и даже встать на раму. Мне казалось, что после этого представления Ира выйдет на улицу и скажет, что любит меня. Ведь как можно не любить после таких экстремальных трюков? Но этого не происходило.

Интересно, что они в это время думали? Наверное, то, что знакомые ребята из школы просто катаются на велосипедах и дурачатся. А что они еще могли подумать? Вряд ли они догадывались о наших чувствах.

Бывает и наоборот. Совсем недавно, ведя переписку в «Одноклассниках», я написал одной девочке, которая уже стала бабушкой, что когда-то она щелкнула меня линейкой по лбу, а я за это сильно толкнул ее в плечо. Почему-то мне это запомнилось. Так вот она мне ответила, что это тоже помнит, а ударила линейкой потому, что я ей тогда нравил-

ся. Вот так-то. Благодаря интернету, спустя почти полвека можно узнать интересные для себя вещи.

Моя любовь к Ире продолжалась года два или три. В четвертом классе мне нравилась уже другая девочка – Света. И все последующие годы, до десятого класса, я обязательно в кого-нибудь был влюблен. И не только в школе. Почему так происходило, я не знаю. Ведь специально для этого я ничего не делал. И никого не выбирал.

Так что, девчонки, любовь – дело сложное. Один дергает за косичку, другой сразу предлагает нести портфель домой, а кто-то, как я, любит незаметно, тихо, лишь надеясь, что девочка сама обратит на него внимание. Кстати, моих дочерей зовут Ира и Света. Может, это случайно, а может, и нет.

Греко-римская борьба

Когда я начал учиться в седьмом классе, в моей школе неожиданно появилась секция борьбы. Как мы потом узнали, одно из спортивных обществ, по причине ремонта своего помещения, временно поселилось у нас.

В открытую дверь спортзала мы видели, как ребята постарше нас с ожесточением бросали через себя борцовские чучела, а потом боролись между собой, показывая невероятный каскад приемов. Тренером у них был высокий, крупный дядька в очках. Видать, настоящий борец в прошлом. Неожиданно он подошел к нам и сказал:

– Не хотите ли заниматься борьбой? Мне нужен человек пять, не больше. Я вам честно скажу, мне новички не нужны, но, по договору об аренде, я должен взять несколько человек из вашей школы.

Мы как-то робко переглянулись и согласились. Мы – это ребята из одного класса.

Борьба эта называлась классической. Сейчас она называется греко-римской. Между прочим, олимпийский вид спорта. Дело серьезное. Задача здесь – положить соперника на лопатки или выиграть по очкам. Начались упорные тренировки. Я бы добавил – изнуряющие и тяжелые. Тренер нам, новичкам, не делал никаких поблажек. Я думаю, он рассуждал так: «Кто не выдержит, сам уйдет».

Тренировка проходила следующим образом: сначала разминка, то есть аэробные упражнения, потом тяжелые упражнения с отягощениями на различные группы мышц, необходимые для борца. Затем отработка приемов: сначала на чучелах, а затем между собой. В конце тренировки боролись на выбывание. Поскольку мы начали тренироваться вместе, то силы у нас были примерно равны. Сегодня я мог проиграть, а завтра выиграть. Я до сих пор помню, как болели все мышцы после первых занятий.

Значение этих тренировок я смог оценить уже зимой. Как-то во время зимних каникул мы, мальчишки из нашего дома, устроили борьбу на снегу. Мне сначала показалось, что некоторые ребята просто поддаются. Уж слишком легко мне удавалось валить их на снег. Понимание того, что это результат четырех месяцев упорных тренировок, пришло не сразу. Ведь раньше мы были примерно равны. А тут за четыре месяца такой скачок!

В мае тренер сообщил нам, что занятия наши заканчиваются и секция борьбы уезжает в свою спортшколу. Также он добавил, что скоро будут соревнования на первенство Омской области, и предложил нам принять в них участие. Тренер сказал, что шансов у нас очень мало, так как придется бороться с сильными ребятами из других спортивных обществ. Они занимаются борьбой три, четыре года и уже не раз участвовали в соревнованиях. Мы же занимались только один сезон.

Что нам оставалось делать? Согласились, конечно.

Надо заметить, что в Советском Союзе уделяли большое внимание спорту, и детскому в частности. Для нас все было бесплатным: и тренировки, и соревнования. Никогда ни за что я не платил ни копейки.

Сказать, что я волновался, ничего не сказать. Были мысли, что зря согласился, но обратной дороги уже нет. Мы уже там, в списках участников. Особенно сильно стало биться сердце с утра в назначенный день. Соревнования проходили в большом спортивном комплексе. Спортсмены разных возрастов, судьи, администраторы. Особенно меня удивило большое количество зрителей. Вроде не футбол и не хоккей, а народу прилично.

Я нашел свою фамилию в списке участников на большом стенде. Тренер был с нами. Он старался нас успокоить, делал каждому какие-то замечания.

Я все время посматривал на возможных соперников, наших сверстников. Они явно были сильнее и здоровее. Это было понятно. Специально пошли в борьбу и занимались уже несколько лет. Мы же попали в этот спорт случайно и тренировались только сезон. К тому же я был худым – какой из меня борец? Взрослые борются по весовым категориям, а дети по возрастным. При одинаковой подготовке вес имеет решающее значение. Но кому нужны эти рассуждения! Раз вышел на ковер, то, будь добр, борись до конца.

Из нашей пятерки мне выпало бороться четвертым. Сла-

ва богу, что не первым. Первым вышел Славка. Он был такой же худой, как и я, но еще и маленький. Славка яростно бросился на своего соперника, понимая, что, может быть, в этом и есть хоть какой-то шанс. Соперник ошалел от такой наглости, но потом пришел в себя, и уже Славка отчаянно сопротивлялся на ковре снизу. Вскоре его лопатки были прижаты к ковра. Туше́, с ударением на второй слог. То есть чистая победа.

Следующим боролся Вовка (Белый). Почему Белый? Когда мы переехали в новый дом, а это было зимой, он один оказался в белой шапке. И хотя он эту шапку носил недели две или три, а потом спрятал ее куда подальше, было уже поздно. Он стал Белым на все школьные годы. Может быть, он и сейчас Белый, я не знаю. Так вот Вовка боролся хорошо. Ему даже удалось провести прием, который называется вертушка. Не очень четко, но все же. Но в итоге он все равно проиграл. Попавшись на ту же вертушку, Белый не сумел выбраться из-под пресса соперника.

Третьим боролся Сашка. Наверное, чисто физически он был посильнее нас. Это показал поединок: соперники долго возились на ковре. Сашка не уступал более опытному спортсмену. Но в итоге в равной борьбе проиграл лишь по очкам.

Наступила моя очередь. Я ничего не мог поделать со своими нервами. Сердце отчаянно колотилось. Выходил на ковер, как в тумане. От зрителей донесся непонятный мне

смех. Я не сразу понял, что это относится ко мне и моему сопернику. Лишь оценив его, я понял причину смеха.

Представляете, один тощий, а другой наоборот. Мы были одного роста, но мой соперник был в два раза шире. Причем он был не толстый, а просто здоровый и сильный. Я успокоился, понимая, что такому проиграть не зазорно. Но это не значит, что я мальчик для битья, пусть попробует. Я вспомнил, что легко валил такого же крупного тогда зимой на снегу. Но тот не был борцом.

Судья дал свисток, и мы схватились руками. Вы знаете, в борьбе надо соперника немного дергать, шевелить, то есть выводить его из равновесия. Это делается для того, чтобы не дать ему совершить бросок, а самому постараться в этом преуспеть. Так вот мой соперник был как скала. Попробуйте пошевелить скалу – ничего не получится. Мне оставалось только ждать, что будет.

Если мои усилия были направлены на то, чтобы хоть что-то сделать, то соперник просто присматривался ко мне: что может сделать этот дохляк? Наконец он перешел к активным действиям. Я чувствовал его мощное давление. Мне пришлось отчаянно крутиться то вправо, то влево, стараясь не попасть на его прием. Наконец ему удалось схватить меня за пояс. Остальное было делом техники. Несмотря на свой вес, мой соперник мастерски произвел бросок прогибом, через себя. Я оказался на спине. Еще какие-то секунды я пытался сопротивляться, встав на мост. Но все было тщетно.

Соперник дождал меня. Я проиграл.

Последним из наших боролся Резо, грузин по национальности. Он выступил очень хорошо. Это был самый зрелищный поединок. Соперники без конца бросали друг друга, показав множество приемов. До конца поединка было непонятно, кто победит. Победил Резо, по очкам. Мы были очень рады его победе. Мало того, он победил и в следующей схватке на другой день. Лишь в третьей, в полуфинале, он уступил, как раз моему обидчику.

Когда мы начинали заниматься, Резо не был сильнее нас. Чаще даже проигрывал, потому что был легче. Однако к весне стал нас обгонять. Ему лучше удавалось выполнение

сложных бросков, удачнее боролся в партере. Может быть, это генетическая предрасположенность кавказских и закавказских народов к борьбе. Не знаю. Тренер предложил Резо заниматься дальше, и он согласился.

Моя же «спортивная карьера» на борцовском поприще закончилась. Я совершенно не жалел, ведь я всерьез занимался футболом. А борьба была просто дополнительной нагрузкой. Можно ли меня считать бывшим борцом в дальнейшей жизни? Нет, конечно, хотя какие-то навыки, несомненно, останутся навсегда. Так же как и некоторых ребят из нашего класса нельзя считать боксерами. Они пошли заниматься боксом в восьмом или в девятом классе. Отзанимались три-четыре месяца до первых соревнований. А потом более опытные соперники начистили им физиономии, и все ребята побросали бокс.

Я думаю, что человек может называть себя бывшим боксером или борцом хотя бы после трех лет упорных тренировок и нескольких соревнований. Но это мое личное мнение.

Торт с чесноком

Вы когда-нибудь ели торт с чесноком? Нет? Ну и правильно-но! А мне пришлось в детстве попробовать это блюдо. Гадость, скажу я вам, невероятная.

Мы встречали Новый год у тети Таи и дяди Павлика. Точнее, наши родители собирались за праздничным столом. Но и мы, дети, тут же. А как же без нас? Взрослых тогда было много, но и детей, соответственно, также. Большая часть из них – мои двоюродные братья и сестры. Но были и незнакомые.

Один из них был Валерка. Очень веселый парнишка, чуть старше меня. По-моему, он был сын соседей, хотя, может, и нет. Валерка сразу организовал нас гулять. Это очень здорово – беситься в снегу в новогоднюю ночь. Мы катались со снежной горки, бросали снежки. Валерка нам понравился, он стал заводилой в нашей компании.

Наигравшись вдоволь на улице, с мороза всей гурьбой забежали в дом. Валерка повел нас на кухню:

– Кто хочет котлету? – сказал он.

Кто ж не захочет котлет после мороза? Котлета – это не какой-нибудь там заморский гамбургер или хот-дог. Когда голоден, ничего вкуснее котлеты нет. Мы с жадностью хватали и поедали эти котлеты. Авторитет Валерки вырос еще сильнее.

Затем тетя Тая посадила нас за праздничный стол, где было много всяких угощений. Взрослые были в одной комнате, а мы в другой. Хотя у нас на столе было всего полно, Валера предлагал кому-нибудь из нас принести чего-нибудь с взрослого стола. Например, Наташке, моей двоюродной сестре, было за счастье принести еще мандаринов для авторитетного Валеры. Я посчитал это неправильным и сказал Наташке и другим, чтобы не таскали больше ничего, потому что это некрасиво. Наверное, это не понравилось Валере. И он решил подложить мне свинью.

Когда мы ели холодец, то кусочки чеснока оставляли на тарелках. А потом ели вкусный торт, который назывался подарочным. Этот масляный торт сверху был обсыпан арахисовыми орешками. Так вот этот Валера умудрился незаметно для меня на мой кусок торта положить несколько кусочков чеснока. Они похоже на орешки, и, конечно, я не заметил подвоха.

Когда я откусил первый кусок торта, то заметил хихиканье Валеры, однако продолжал есть. Мало чего он смеется. Конечно, мне сразу показался странным вкус угощения, но, лишь съев примерно половину, я понял, что там чеснок. Конечно, я скривился от этого «деликатеса». Знаете, сладкий крем и чеснок – ужасно противно.

Тут Валера уже не мог сдерживаться и начал ржать как лошадь. Мои родственники смеялись очень сдержанно, а некоторые совсем не стали этого делать. Они поняли неблаго-

видность этого поступка. Это смотрелось, конечно, смешно со стороны, но, если бы тебя угостили этим блюдом, то было бы не очень весело.

Я был ужасно зол на этого Валеру, хотелось его даже ударить. Но тогда я испортил бы новогодний праздник. После этого я перестал с ним общаться, благо детей было много. Мало того, хотел ему примерно так же отомстить. Придумывал различные варианты. В памяти сохранился лишь один. Это бросить ему в чай кусок холодца. Но в конечном итоге так ничего и не сделал.

Утром все взрослые и дети ходили в хвойный лес и долго там гуляли. Мороз и солнце, просто замечательно. Снегу по колено. Это был, пожалуй, лучший мой Новый год в дет-

ские годы. Но Валеры с нами уже не было. Может быть, ему надоела наша компания, а может, он куда-то уехал. Во всяком случае, я больше никогда его не видел. Да и тетя Тая вскоре получила квартиру, и ее семья переехала в новый дом. Кстати, она после Нового года рассказывала моей маме, что на празднике попала в неприятную ситуацию. Объявила гостям, что сейчас будут котлеты, а котлет нет. Сковородка была пуста. Куда они подевались?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.